Двусмысленность на постсоветском пространстве

Евгений Прейгерман

Резюме

Окончание очередного года – это всегда повод подвести итоги и поспекулировать над тем, что нас ждет в году новом. А можно поспекулировать и на более долгосрочную перспективу, тем более большие тренды в международных отношениях сегодня явно заглядывают за горизонт нескольких лет.

Опубликовано в Global Brief

В последние годы в экспертной среде вызревает консенсус по поводу того, что постсоветского пространства больше не существует. Вернее, оно существует как историческая единица и как некоторый набор территорий, которые когда-то входили в состав СССР. Во всех других смыслах сам термин «постсоветское пространство» действительно дает нам все меньшую аналитическую ценность.

Тем не менее сложно просто взять и отказаться от этого термина. При всей справедливости аргумента о его устаревании отказ приведет к некоторой терминологической и концептуальной пустоте, недосказанности. Поэтому в чем-то искусственно, но все же останемся в рамках старой терминологии и зададимся вопросом: а что в самом общем виде в системе международных отношений может ждать очень разные государства на постсоветском пространстве в новом 2020 году и на более долгую перспективу?

Предлагаю пять взаимосвязанных тезисов о главном.

Первое. Постсоветское пространство уже испытывает и продолжит испытывать определяющее влияние более широкого глобального контекста. Это предположение должно быть справедливо в отношении почти всех регионов и

субрегионов мира. Но для постсоветского пространства оно имеет особое значение, так как сегодня под влиянием глобального контекста могут «расшатываться» почти все структурные основы на постсоветском пространстве.

А что собой сейчас представляет глобальный контекст?

В самом общем виде – это «критическое разъединение» системы международных отношений, которое в какой-то временной перспективе (вероятно, долгосрочной) созреет до возможности нового «критического соединения».

> При этом с высокой долей уверенности можно прогнозировать, что будущее новое «соединение» зафиксирует ситуацию, в которой стратегическая конкуренция между США и Китаем будет структурировать всю систему международных отношений.

Второе. Делая такой контекстный вывод, важно избежать частой методологической ошибки, которой особенно грешат исследователи на постсоветском пространстве. Как правило, встречается прямолинейная интерпретация влияния международного контекста на внешнюю политику конкретных стран. Предполагается, что контекст (структура) первичен для формирования внешнеполитической линии государств, так как он задает узкий и единственно возможный коридор их движения в международных отношениях. По крайней мере, малых и средних государств, которые как раз широко и представлены на постсоветском пространстве.

Контекст действительно первичен, однако в принципиально ином смысле. Сам по себе он не задает единственно возможные внешнеполитические коридоры для государств. Он создает совокупность стимулов, которые государственные лица должны приоритетно учитывать при принятии внешнеполитических (а часто и внутриполитических) решений.

При этом на выходе внешнеполитические решения становятся результатом соприкосновения контекстных стимулов и различных обстоятельств самих государств. Например, понимания национального интереса государственными лицами, предпочтений конкретных лидеров и элит, особенностей стратегической культуры и политического процесса и т.д. То есть контекст сам по себе существенно влияет, но прямолинейно не предопределяет внешнеполитические решения.

Третье. В современных условиях постсоветского пространства все это означает, что как повседневные внешнеполитические действия, так и стратегическое видение абсолютно во всех республиках бывшего СССР будут в ближайшие годы все больше характеризоваться двусмысленностью. То есть ситуацией, когда государство избегает полностью взаимоисключающих шагов и вместо этого старается держать открытыми максимально широкий список опций во внешней политике. Несмотря на все многочисленные различия между бывшими советскими республиками. Даже в тех странах, где провозглашен однозначный геополитический выбор (например, в пользу ЕС и НАТО и против России).

Притом двусмысленность будет характерна и для главного актора на постсоветском пространстве – России. По той простой причине, что двусмысленность (она же, грубо говоря, многовекторность) – это естественная реакция на растущую неопределенность при долгосрочном тренде на формирование двуполярного мира.

Четвертое. На практике двусмысленность будет реализовываться, прежде всего, через растущее проектное сотрудничество «во все стороны». Чем более привлекательными будут конкретные проекты, тем энергичнее и охотнее постсоветские государства (а также работающие там крупные компании) будут в них участвовать вне зависимости от мейнстримных геополитических дискуссий и коннотаций.

> При этом геополитически «заряженные» проекты и межгосударственные противоречия где-то будут осложнять возможности постсоветских государств быть двусмысленными через проектное сотрудничество. Однако они не смогут полностью ограничить эти возможности.

Пятое. На общем фоне будут присутствовать и развиваться большие геополитические проекты (или как юридическая реальность, или как проектные предложения). Притом как конфронтационные по своей сути проекты, так и объединительные. Например, давно зреющая идея «интеграции интеграций», то есть совмещения различных интеграционных логик и режимов в каких-то общих рамках и на основе общего интереса к взаимодействию. Обычно на постсоветском пространстве здесь речь идет о перспективах сближения регуляторных режимов ЕС и ЕАЭС.

Однако полностью реализовать большинство крупных геополитически «заряженных» проектов на постсоветском пространстве в политическом смысле будет очень сложно. Но их различные элементы как раз и будут реализовываться через многочисленное и многоуровневое точечное проектное сотрудничество.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»